

Step-by-step learning of writing leads students to the expected results. Students can already write an abstract, review, or abstract.

Teachers pay great attention to teaching students how to write business documentation:

- application;
- letter;
- filling out various questionnaires.

This is necessary for all students.

Summarizing the above, we come to the conclusion: to learn to listen, speak and read in Russian, you must simultaneously learn to write. Only interrelated teaching types of speech activity gives the opportunity to foreign students to learn Russian language. The level of development of written language allows students to carry out educational, professional and self-educational activities.

Literature:

1. Galskova N.D., Gez N.I. Theory of teaching foreign languages. M.: "Academy", 2006. -336 p.
2. Kryuchkova L.S., Moshinskaya N.V. Practical methods of teaching Russian as a foreign language. M.: "Flinta", 2009. -480 p.
3. Solovova E.N. Methods of teaching foreign languages. M.: "ACT", 2008. -238 p.

Ономастикон языка как фактор формирования лингвистической компетентности иностранных учащихся

Бондаренко И.В.

Одесский национальный морской университет

г. Одесса, Украина

e-mail: ira_bondarenko1960@ukr.net

Ономастикон русского, украинского (и любого) языков является важным фактором формирования лингвистической компетенции студентов, обеспечивающей их активное включение в общую гуманитарную культуру.

Сложность ономастики как раздела языкознания определяется особенностями и специфичностью ее объекта – собственных имен языка. Любое собственное имя называет единичный объект и тем самым выполняет номинативную функцию. В речи эта функция работает и на идентификацию

(отношение имени к объекту), и на дифференциацию (отношение данного имени к другим именам или данного объекта к другим объектам). Номинация, идентификация и дифференциация – это три стороны главной функции собственного имени – закреплённость имени за одним объектом [1; 6]. Семантическая специфика собственных имен порождает такие их особенности, как:

а) повышенную знаковую – если все слова вообще являются знаками, то собственные имена – это знаки в квадрате; б) особую склонность к деэтимологизации; в) словообразовательное своеобразие собственных имен.

Собственные имена, являясь сферой повышенной номинации (каждый день – многие тысячи актов номинации), подчиняются, с одной стороны, общеономастическим, с другой стороны, – специфическим закономерностям этого процесса. Одним из таких специфических аспектов является значительно ослабленный содержательный план собственных имен. Это обусловлено тем, что каждое имя собственное обозначает *один* предмет, и предмет этот выделяется именем из группы (как правило, очень большой группы) *однородных* предметов. И подобно тому, как предмет однороден с другими предметами, собственное имя семантически уподобляется другим собственным именам, теряя свою семантическую объёмность. Ю.А.Карпенко [2] считает, что промежуточных явлений между собственными и нарицательными названиями не существует. Каждое имя в каждом случае его употребления является либо собственным, либо нарицательным.

Мы присоединяемся к точке зрения лингвистов, которые, признавая отсутствие иерархии в списке различий между собственными и нарицательными именами, тем не менее на уровне языка главным, основополагающим различием считают *масштаб* имени. В собственных именах он равен единице: собственное имя всегда обозначает один, единичный предмет. Наричательное имя всегда больше единицы, семантика нарицательного имени суть множество – она охватывает все предметы данного

вида, все его свойства. Именно поэтому дихотомия «имя собственное – имя нарицательное» ограничивается только существительными, а внутри этого класса – только названиями считааемых предметов.

Из этого главного различия происходят такие различительные признаки.

Во-первых, специфика реализации собственных имен в *единицах мышления*. Для нарицательного имени единицей мышления является определенное понятие, а для имени собственного – единичное понятие, представление и даже зрительный образ. Отсюда повышенная предметность собственных имен. Ю.А.Карпенко сравнивает собственные имена с «языковыми этикетками предметов» [4, с.229], тогда как о нарицательных названиях этого сказать нельзя.

Во-вторых, как отмечает Е.Курилович [4], «*нарицательное имя обозначает, а имя собственное называет*». Знаковость собственных имен мощно коррелирует с их повышенной предметностью и словообразовательным своеобразием данных единиц языка.

Третий различительный признак – *интернациональный характер* собственных имен (об этом мы говорили в своей статье «К вопросу об ономастической омонимии»). Интернациональность собственных имен ярко иллюстрирует дивергентные процессы, происходящие в языке: вначале собственное имя называет один предмет, имеющий четкую локализацию. Как только сведения об этом предмете выходят за пределы одного языка, уже существующее название данного предмета берется в готовом виде и становится заимствованным. Практически все собственные имена могут стать потенциальными интернационализмами, переходя из языка в язык с сохранением своей звуковой формы, а точнее – лишь с теми ее трансформациями, которых требует принимающая языковая система и языковая традиция. Безэквивалентность собственных имен демонстрируется тем известным обстоятельством, что от многих языков только они и сохранились, проникая в письменные памятники.

И, наконец, можно говорить о тенденции к разрыву обозначающего и обозначаемого в собственном имени (отсюда и распространенность замены собственных имен, переименований единичных объектов). Собственные имена легче привести в соответствие с изменяющейся действительностью.

Следует признать тот факт, что имя собственное и имя нарицательное могут коннотировать практически неограниченное количество признаков, но по-разному. Например, если мы в некотором контексте (речи) говорим об определенном столе, то слово «стол» коннотирует все признаки, вызывая образ стола. Но, помимо этого, слово «стол» включает именно этот стол и в понятие стола как предмета. Если же в аналогичных условиях встречается имя собственное, то оно, будучи однозначно понятым, вызывает образ своего носителя, а уже этот образ через соответствующее нарицательное название включает носителя имени в нужный понятийный ряд (студент Иванов, Одесский театр оперы и балета).

Главный критерий здесь не количество коннотаций, а то, что имена нарицательные выражают понятие, а имена собственные понятий выражать не могут, а это значит, что необходимо признать границу между собственным и нарицательным в языке однозначной и качественной. А.В.Суперанская формулирует эту мысль следующим образом: «В языке как системе (лексической, ономастической) имеется ограниченное количество имен, активных и пассивных» [3; 220], а в подавляющем большинстве случаев «собственные имена в языке обычно существуют на правах цитат» [3; 217], то есть как факты речи, а не языка. Вот, к примеру, всевозможные переименования различных географических объектов остаются речевыми единицами до тех пор, пока носители языка не станут употреблять эти переименования как обычные, основные обозначения объектов. Новые названия улиц Одессы (Балковская, Кузнечная, Старопортофранковская и др.) для жителей города, несомненно, стали уже фактом языка. Однако для многих людей старшего возраста эти названия остаются еще только фактом речи.

Таким образом, можно говорить о том, что в состав языка входит совокупность всех реально существующих собственных названий, которые употребляются носителями языка, тогда как в речи носителя этого языка собственных имен гораздо меньше. Следует помнить, что совокупность речевых актов содержит довольно заметную группу еще неустоявшихся названий (в частности, переименований и индивидуальных образований), которые остаются за пределами языка (например, разговорные варианты названий частей Одессы: Бугаёвка, Слободка, Нахаловка).

Итак, разграничение этих двух классов имен – проблема речи, а не языка. Главная трудность в том, что в речи появляются совершенно не свойственные языку величины – меньшие, чем единица. Язык содержит названия одного предмета – собственные имена – и названия больше чем одного предмета – нарицательные. Форма собственных имен и в равной степени их содержание в речи оказываются индивидуализированными, а в языке эта индивидуализация отсутствует. Объективно это различие проявляется в том, что в речи имя собственное обладает гораздо большей степенью вариативности, чем в языке. Любое личное имя содержит два значения: обобщенное – «имя человека вообще» и конкретизированное – «имя данного человека». Последнее значение может иметь несколько языковых реализаций (*Алексей Толстой*, царевич *Алексей*) и огромное множество речевых реализаций (все *Алексеи*, живущие на Земле).

Очень непростой вопрос, касающийся собственных имен, – проблема десигната. Каждое имя собственное должно иметь десигнат (реальный объект действительности). А если такого объекта нет (например, у теонимов)? Исследование теонимов (личных имен божеств) вызывает целый ряд вопросов, связанных с разграничением в их природе собственного и нарицательного. Поэтому теонимы не могут иметь статус имени. Б. Рассел вводит еще один класс имен: «имена вообще». Но здесь происходит подмена понятия десигната как предмета мысли логическим понятием класса несуществующих объектов,

поэтому большинство лингвистов считают, что семантическая классификация языковых фактов не может зависеть от факта существования или отсутствия во внелингвистической действительности десигната данного языкового выражения. Факт существования или отсутствия десигната – в аспекте языка – факт случайный. Можно говорить о том, что язык 1) безразличен к реальности или ирреальности экстралингвистической действительности; 2) то, что ирреально сейчас, не всегда было таковым для определенных языковых коллективов.

Не менее интересен аспект изучения собственных и нарицательных имен как инструментов познания. Еще Платон в своем диалоге «Кратил, или о правильности имен» ставил целью показать, что «имена не являются орудием познания вещей, что знание имени еще не есть знание свойств самой вещи», то есть это свидетельство того, что в более ранние времена знание имени (название) предмета равнялось знанию самого предмета.

Для современного лингвиста язык как целостность представляется равным самому себе на всех этапах существования. Безусловно, на начальных этапах истории языка слово носило симпрактический характер, т.е. было вплетено в практику, изолированно от нее не имело самостоятельного значения. Дольше всего сохранял симпрактический характер именно ономастикон определенного общества, так как личные имена были тесно связаны с религиозно-обрядовой деятельностью, обосновывающей, по сути дела, все стороны человеческой деятельности. Выбор того или иного имени для человека регламентируется в известных пределах обществом: существует набор имен, правила выбора имени, есть человек, наделенный полномочиями нарекать именем. Человек не может получить имя случайно: слишком многое в его судьбе зависит от личного имени. Причем в древних обществах в условиях суеверий эта зависимость не такая уж фигуральная. И.С.Кон пишет: «Индивид был интегрирован в общество не как ее автономный член, а как частица целого, немислимая отдельно от него..., ни в одном из своих действий он не является

исключительным субъектом, в каждом его поступке соучаствуют его сородичи, предки, духи, боги». Такая слитность отдельной личности с общиной обеспечивалась преемственностью родовых имен: считалось, что вместе с именем родственника человек усваивает и некоторые его свойства, т.е. инкопирует его в себе. Личные имена служили не просто обозначением индивида и его родовой принадлежности, но были как бы его составной частью. Отсюда – сложная магия имен.

С точки зрения семасиологии семантические параметры антропонима таковы: внутренняя форма и лексическое значение исходного апеллятива для функционирования имени собственного являются избыточными и легко теряются. Факт – успешное функционирование христианских заимствованных имен у славян, хотя процесс принятия этих имен был достаточно трудным. Исследователь Дж. Томсон в работе, посвященной Эгейскому миру, говорит о специфике антропонимов: «Новорожденного приветствуют как одного из предков рода, как повторное воплощение родового тотема в человеческом образе». Вот почему во всем мире существует обычай называть ребенка в честь кого-нибудь из предков. Имя является тотемическим символом, а потому магично. Известно, что дикари почти всегда неохотно открывают своё имя чужим, это тотемическая тайна. У этих представлений столь глубокие корни, что даже в славянской семье языков слова, обозначающие «имя», «знак», «род» и «знаю» имеют общее происхождение (лат. *nomen, nota, gens, gnosko*). Имя и знак - одно и то же: в звуковой и «видимой» форме они воплощают в их носителе тотем.

Описанные различия не исчерпывают всех отличий собственных и нарицательных имен. Например, И.И.Ковалик [5] полагает, что среди собственных имен нет антонимов, однако многочисленным противопоставлениям типа *Большая Долина – Малая Долина, Большая Медведица – Малая Медведица* трудно отказать в антонимичности.

И все-таки ведущим, главным различительным признаком, использование которого не оставляет на уровне языка сомнений в отнесении лексемы к классу нарицательных или собственных наименований, является наличие либо одного носителя (и тогда это имя собственное), либо больше чем одного носителя (и тогда это имя нарицательное). Все трудные случаи разграничения двух классов – это проблемы речи, а не языка. И здесь главная трудность заключается в том, что в речи сплошь и рядом выступают названия *меньше* чем одного предмета – названия *одного* признака *одного* конкретного предмета. Такие величины, меньше, чем единица, выражаются в речи нарицательной лексикой, и величины эти нужно обозначить, указать на их понятийную отнесенность. Но вместе с тем обязательно сохраняется понимание того, что речь идет о части, аспекте целого, имеющего собственное имя.

Всё вышесказанное, безусловно, не исчерпывает сложности и многообразия проблемы разграничения собственных и нарицательных наименований, поскольку язык предоставляет все новые и новые факты для лингвистических (и не только) исследований.

Литература:

1. Карпенко Ю.О. Літературна ономастика/ Ю.О.Карпенко. Зб.наук.пр.. – Одеса. - 2008. – 328 с.
2. Карпенко Ю.А. Разноязычная топонимия и границы топонимической системы / Ю.А.Карпенко. Разноязычная топонимия и границы топонимической системы // В кн. Beitrage zur Theorie und Geschte Eigennamen – Berlin - 1976. – С. 87-89.
3. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного/ А.В.Суперанская// М. - 1973. - 320с.
4. Курилович Е. Положение имени собственного в языке / Е.Курилович. Положение имени собственного в языке // Зб.наук.пр: Очерки по лингвистике. - М. - 2002.- 267 с.
5. Ковалик І.І. Про власні загальні назви в українській мові / І.І.Ковалик. Про власні загальні назви в українській мові//Ж. «Мовознавство», 1977, № 2.- С. 15 -17.

К вопросу об обучении конспектированию

Варва С.В.

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

г. Харьков, Украина

e-mail: varava22@gmail.com

Учёные и методисты определяют конспектирование как особый вид аналитико-синтетической переработки информации, основной целью которого